

Шарков А.В.
ВИТЕБСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД НАЦИСТСКИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Страшный, ужасающий след оставила война в истории Беларуси и нашего народа. На захваченной земле оккупанты творили не поддающиеся человеческому разуму преступления и зверства. За три года оккупаций гитлеровцы истребили около полутора миллионов граждан республики и более 800 тысяч военнопленных. В республике было разрушено около 4800 населенных пунктов, 628 белорусских деревень постигла участь Хатыни, сожженной вместе с ее жителями. 380 тысяч молодых граждан Беларуси было угнано в Германию, многие из них никогда больше не увидели родной земли.

Безусловно, виновные в этих злодеяниях должны были понести суровую кару. Для установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года были образованы Чрезвычайная государственная комиссия СССР, а также республиканские, краевые, областные и районные комиссии. В Беларуси такую комиссию, созданную в начале 1944 года, возглавил первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. Действовали Барановичская, Бобруйская, Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская, Молодеченская, Пинская, Полеская, Полоцкая областные комиссии содействия, собиравшие документальные данные, в том числе показания свидетелей, составлявшие акты о злодеяниях и причиненном ущербе. Они имели право поручать надлежащим органам производить расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные данные о насилиях, зверствах, массовых убийствах, грабежах, разрушениях и других преступных действиях гитлеровских оккупантов и их пособников. Акты, сообщения и другие материалы Чрезвычайной государственной комиссии широко использовались на Нюрнбергском процессе, а также и на процессах, проходивших в Минске, Гомеле, Витебске, Бобруйске и других городах. Они были признаны судебными органами бесспорными доказательствами вины немецких военных преступников.

Юридически неотвратимость возмездия вытекала из Московской Декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 года, подписанной руко-

водителями трех союзных держав антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР [1, с. 419]. В декларации заявлялось, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые ответственны за зверства, убийства и казни либо добровольно принимали в них участие, будут судимы и наказаны в соответствии с законами тех стран, где эти преступления были совершены. Принципы декларации были развиты в Потсдамском соглашении держав-победительниц, а затем признаны ООН и подтверждены в качестве принципов международного права в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 октября 1946 года [2, 105]. Еще ранее, 19 апреля 1943 года Советское государство издало Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» [3, с. 82]. Этот документ устанавливал порядок суда над военными преступниками и предусматривал новые виды наказания: смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Для осужденных на каторжные работы закон предусматривал специальные места заключения [4, с. 50–51].

Все обвиняемые по Указу от 19 апреля 1943 года считались соисполнителями единой преступной политики нацистской Германии и ее союзников на оккупированной территории СССР. Само должностное положение или характер служебных обязанностей тех или иных лиц имели решающее значение для привлечения их к ответственности.

29 ноября 1949 года МВД, МГБ и Прокуратурой СССР была издана совместная директива, согласно которой военнопленные офицеры, служившие на командных и оперативных должностях в органах и войсках СС, привлекались к ответственности по ст. 16 (соучастие) УК РСФСР и Указу от 19 апреля 1943 года как военные преступники. Командный и рядовой состав вермахта, в годы войн проходивший службу в концлагерях, лагерях для советских военнопленных и мирных граждан, а также сотрудники карательных органов, суда, прокуратуры, полиции и следственных органов несли ответственность на тех же основаниях.

Для раскрытия и расследования дел о военных преступлениях были созданы и усилены специальные оперативно-следственные и судебные органы: «Смерш» и военно-полевые суды. Дела данной категории также рассматривались внесудебными органами, наделявшимися судебными функциями (Особым совещанием при НКВД /МВД/ МГБ СССР и др.).

О деятельности военно-полевых судов практически ничего не известно. Между тем эти суды действовали при дивизиях и корпусах Красной Армии в период с 1943 по 1945 годы, причем не только на советской территории, но и в Германии. В состав военно-полевых судов входили: председатель военного трибунала дивизии (председатель суда), начальники политического и особого отделов (члены суда), с обязательным участием в рассмотрении дела военного прокурора. Приговоры утверждались командиром дивизии и приводились в исполнение немедленно и публично. Порядок судопроизводства военно-полевых судов регламентировался указанием начальника Главного управления военных трибуналов Красной Армии от 18 мая 1943 года «О порядке рассмотрения дел в военно-полевых судах при дивизиях действующей армии». Суды рассматривали дела сразу же после освобождения занятой противником территории и были первыми в осуществлении наказаний, выносимых лицам, уличенным в совершении злодеяний.

Военно-полевые суды функционировали и в войсках, освобождавших Беларусь. Однако в целом деятельность военно-полевых судов на территории Беларуси не получила широкого распространения по той причине, что в период стремительного наступления все части, дивизии или корпуса находились практически постоянно на колесах. Реально рассматривать в такой обстановке можно было лишь дела в отношении карателей и их пособников, задержанных, что называется, с поличным, когда преступные действия были столь очевидны, что не нуждались в специальном расследовании. В других случаях, те же лица передавались в военные трибуналы.

Порядок судопроизводства военных трибуналов регламентировался «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», утвержденным Президиумом Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года [5, с. 255]. Этим документом устанавливался особый режим работы военно-судебных органов, состав которых после объявления мобилизации существенно пополнился за счет расширения сети трибуналов войск НКВД. Среди немалого числа изъятий из общих правил судопроизводства, установленных Положением, отметим слушание дела по истечении 24-х часов после вручения обвинительного заключения и упразднение порядка обжалования приговора.

Первым судебным процессом в СССР, на котором разбирались зверства немецко-фашистских оккупантов и их пособников, был проведенный военным трибуналом Краснодарский судебный процесс. Он состоялся в июле 1943 года и проходил публично. Такие же судебные процессы прошли в августе 1943 года в Краснодаре и в декабре того же года – в Харькове и Смоленске. Первые судебные процессы, проведенные военными трибуналами еще задолго до окончания войны, имели большой резонанс, в том числе и международный. Это был невиданный доселе прецедент судебного разбирательства по делам не только прислужников оккупантов – изменников Родины, но и самих фашистских палачей, уличенных в совершении тяжких воинских преступлений.

Подобные процессы состоялись и на территории Беларуси. Первый из них проходил в столице республики с 15 по 29 января 1946 года. Перед судом военного трибунала Минского военного округа по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, предстали 18 бывших военнослужащих германской армии и полиции, 14 из которых были приговорены к смертной казни через повешение – 4 к лишению свободы. Суд в Минске по делу о злодеяниях гитлеровских захватчиков во время оккупации Беларуси положил начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества.

Открытые судебные процессы над военнопленными, изобличенными в совершении воинских преступлений на территории республики, состоялись в Бобруйске, Витебске и Гомеле.

В Витебске, где перед судом военного трибунала предстало 10 обвиняемых, дела привлекаемых к уголовной ответственности рассматривались на открытом судебном заседании под председательством полковника юстиции Панкратьева военным трибуналом Прибалтийского военного округа с 29 ноября по 31 декабря 1947 года. Для оказания практической помощи по ведению следствия, организации подготовки и проведения судебного процесса в Витебск командировался начальник следственного отдела оперативного управления ГУЛАГа МВД СССР подполковник Аргир.

Обвиняемые военнопленные были доставлены к месту суда и размещены в тюрьме изолированно друг от друга. Для них устанавливался режим содержания, исключающий возможность общения, самоубийств, побегов и других действий, могущих повлиять на ход следствия и судебных процессов. Свидетели из числа военнопленных также были доставлены к местам проведения судебного процесса и размещены в Витебске – в лагере для военнопленных. Для ведения следствия по делам обвиняемых и сбора доказательств их преступлений были созданы оперативные группы в составе 40 человек во главе с представителем ГУПВИ МВД СССР подполковником Клаусоном и начальником УМВД по Витебской области подполковником Гоголевым [6, л. 70–71].

Одновременно с ведением следствия было организовано активное изучение большого объема информации, которая могла не только помочь полному изобличению обвиняемых в преступной деятельности на оккупированной территории, но также и способствовать выявлению настроений военнопленных, привлеченных к процессу в качестве свидетелей. Для этих целей широко использовались беседы, опросы, проводимые в среде военнопленных.

Перед судом военного трибунала, состоявшегося в Витебске по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками на территории области, предстали в числе других Фриц Гольвитцер – генерал пехоты, бывший командир 53-го армейского корпуса; Ганс Шмидт – полковник, бывший начальник штаба этого же корпуса; Альфонс Хиттер – генерал-лейтенант, бывший командир 206-й пехотной дивизии; Клаус Мюллер-Бюлов – генерал-майор, бывший командир 246-й пехотной дивизии; Ганс Дильманн – полковник, бывший комендант витебского лагеря советских военнопленных.

Обвиняемые являлись активными участниками злодеяний на территории Витебщины. Так, Ф. Гольвитцер, выполняя приказ командующего армейской группы «Центр» фельдмаршала Клюге о строительстве оборонительной линии «Пантера» протяженностью 550–600 километров от устья реки Припять до города Витебска, в июне 1943 года насильно мобилизовал на работы до 200 тысяч мирных граждан, в т. ч. женщин, стариков и подростков. Получив от Клюге приказ о форсировании строительства линии «Пантера» на участке Гомель–Чаусы–Горки–Дубровно–Рудня, Ф. Гольвитцер в каждом из указанных районных центров создал специальные лагеря, в которые были насильно загнаны как мирные жители, так и военнопленные Красной

Армии. Лагерь представляли собой загоны, огороженные колючей проволокой. Для содержащихся в них людей был создан каторжный режим. Люди работали по 10–15 часов в сутки, получая по 150 граммов хлеба и пол-литра недоброкачественной баланды. Все они размещались под открытым небом.

Прибыв 1 октября 1943 года в район Витебска, Ф. Гольвитцер организовал 6 лагерей, в которых содержалось от 800 до 1000 мирных граждан. Эти люди использовались на строительстве оборонительных сооружений в непосредственной близости от линии фронта. Нередко они подвергались пулеметным и артиллерийским обстрелам, избивались немецкими солдатами и офицерами. Люди размещались в шалашах, спали на голой земле и от голода, инфекционных заболеваний, каторжного труда умирали.

На территории Витебской области Гольвитцер дважды издавал приказы о принудительном угоне работоспособного населения на рабский труд в Германию. Согласно этим приказам войска 53-го армейского корпуса в период с апреля по июнь 1944 года насильно угнали в Германию 4800 мирных граждан Витебска и ближайших районов. Кроме того, Ф. Гольвитцер отдавал подчиненным войскам приказы, обязывающие расстреливать советских граждан, сжигать населенные пункты, изымать скот и продукты. В Витебске были разрушены все промышленные предприятия, культурно-просветительные учреждения, памятники старины, множество жилых домов, а также 8 церквей и соборов, являвшихся историческими памятниками.

К суду военного трибунала на Гомельском судебном процессе по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками на территории области, привлекались: Эберхард фон Куровски – генерал-лейтенант, бывший начальник штаба 2-й танковой армии, командир 110-й пехотной дивизии; Артур Куллмер – генерал-лейтенант, бывший командир 43-го армейского корпуса, а затем командир 296-й пехотной дивизии; Гюнтер Кламт – генерал-майор, бывший командир 260-й, а затем 6-й пехотной дивизии; Ганс Кольсдорфер – генерал-майор, бывший командир 254-го пехотного полка 110-й пехотной дивизии; Эрнст Ензен – подполковник, бывший командир 120-го артполка 110-й пехотной дивизии и другие.

Материалами Чрезвычайной государственной комиссии, признаниями самих обвиняемых и показаниями 24 свидетелей было установлено, что личным составом 110-й пехотной дивизии только в Гомельской и Полесской областях истреблены 54 тысячи мирных граждан, сожжено, разрушено и разграблено около 100 населенных пунктов. Активными участниками творимых злодеяний являлись представшие перед судом обвиняемые. Им, как и на предыдущих открытых судебных процессах, каждому в отдельности были приведены конкретные факты их преступной деятельности, на которых основывалось судебное обвинение.

Все дела на судебном процессе, проходившем в Витебске, слушались в присутствии большого количества людей, требовавших сурового наказания палачам. В ходе судебных заседаний было бесспорно установлено, что лица, представшие перед судом, виновны в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года. Возмездие было суровым. И поскольку с 26 мая 1947 года смертная казнь в нашей стране была отменена, все 10 человек, бывших военнослужащих немецкой армии и карательных органов, были приговорены военными трибуналами к 25 годам заключения каждый с отбыванием срока наказания в особых лагерях МВД СССР.

После вступления приговора в законную силу, осужденный военнопленный направлялся для отбытия срока наказания в особые лагеря МВД СССР. При определении места отбытия срока наказания все осужденные военные преступники были разделены на две группы. В первую вошли военнопленные, осужденные к каторжным работам по делам о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. Они отбывали наказание независимо от состояния здоровья в Воркутинском ИТЛ МВД. Военнопленные, осужденные за другие преступления, вошли в другую группу. Те из них, кто по своему физическому состоянию относились к 1-й и 2-й категориям труда, направлялись в Норильский и Воркутинский ИТЛ, нетрудоспособные – в Томский и Поньшский ИТЛ. Осужденные за преступления в лагерях ГУПВИ к тюремному содержанию направлялись в тюрьмы [7, с. 123–148].

Таким образом, судебная практика по делам о преступлениях на оккупированной территории, будучи основанной на советском законодательстве, международных актах и соглашениях, обеспечила наказание лиц, виновных в совершении конкретных военных преступлений. Репрессивную политику СССР того времени по отношению к бывшим солдатам и офицерам вер-

махта и карательных органов нацистской Германии характеризуют две стороны – видимая, воплотившаяся в публичных судебных процессах (в Беларуси в 1946-1947 годы), и скрытая, нашедшая отражение в уголовном преследовании военнопленных, представителей немецкого государственного аппарата и иных лиц по принципу потенциальной опасности для советского режима и политическим мотивам на закрытых судебных заседаниях.

Публичные судебные процессы отличались не только политическим резонансом, но и соответствовали требованиям советского уголовно-процессуального законодательства. В частности, подсудимым была обеспечена защита, каждому из них вменялись в вину лишь конкретные факты, тщательно проверенные по документам. Не противоречило их проведение и нормам международного права, которые распространяют на военных преступников юрисдикцию национальных судебных инстанций и применение к ним национального законодательства.

Деятельность же военно-полевых и закрытых судов военных трибуналов (первых – по необходимости оперативного реагирования, других – по причине закрытости) сопровождалась сужением процессуальных гарантий, в результате чего они мало чем отличались от органов внесудебных репрессий.

Как показал анализ архивных документов (в Национальном архиве Республики Беларусь находится на хранении 2897 уголовных дел) в Беларуси за воинские и иные преступления в период войны и до 1951 года было предано суду 3618 военнопленных и интернированных. В большинстве это – бывшие немецкие граждане (австрийцев осуждено 150 человек). Из общего числа подсудимых 24 человека были приговорены к смертной казни, а остальные – к каторжным работам на срок от 10 до 25 лет. В отношении 21 обвиняемого уголовное преследование в ходе судебного разбирательства было прекращено. Как правило, основанием для этого являлись либо недостаточная доказательная база вины обвиняемого, либо его смерть. Изучение карательной практики того времени показывает, что наряду с действительно нужной и полезной работой по заслуженному наказанию виновных в воинских преступлениях, правоохранные органы допускали немало нарушений. Объяснить это можно проявлением ответной жестокости к немецкой нации, фашистские лидеры которой развязали кровопролитную войну, низким профессионализмом и злоупотреблениями отдельными сотрудниками, а также желанием скорее нейтрализовать инакомыслящих и утвердить порядок по собственному образцу.

Справедливости ради следует признать, что при крайнем дефиците времени, нехватке квалифицированных специалистов и надлежащих средств, а также под воздействием отдельных политических установок оказалось невозможным обеспечить необходимое качество работы. Имели место и нарушения процессуальных норм. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на масштабы совершенных злодеяний, а также экстремальные условия военного времени, обвиняемые данной категории не были поставлены вне закона. В основе деятельности советских правоохранных органов лежали рамки тогдашнего сурового законодательства. В судебной практике широко применялась коллективная ответственность бывших германских военнослужащих и чиновников за злодеяния, совершенные в годы войны на оккупированных территориях. Прохождение службы в структурах, как входящих, так и не входящих в перечень преступных групп и организаций, запятнавших себя бесчинствами в отношении мирных граждан и военнопленных, либо по характеру подразумевавших таковое, порой рассматривалось в качестве единственного основания для привлечения к ответственности. И, как результат, судьбы немало числа бывших военнослужащих вермахта и его союзников сложились трагически. Вместе с тем, подвергая сегодня критике систему советского правосудия, ставившую нередко классово-идеологические и политические цели и устремления выше морали и жизни не только бывших врагов, но и собственных граждан, не следует забывать главное: почему они оказались перед советским судом.

Литература

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. – Москва: Гос. изд. полит. лит-ры, 1946. – 698 с.
2. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: В 8 т. Т. 1. – Москва: Юрид. лит., 1987. – 688 с.
3. Трибуналы во время войны: Беседа В. Егорова с начальником Управления военных трибуналов генерал-лейтенантом юстиции А. Мурановым // Человек и закон. – 1991. – № 10. – С. 80–88.
4. Советское государство и право в период Великой Отечественной войны. – Москва: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. – 431 с.
5. История государства и права Белорусской ССР (1937–1975 гг.): В 2 т. – Минск: Наука и техника, 1975. – Т. 2. – 656 с.
6. Архив МВД Республики Беларусь. – Фонд 45. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 70–71.

7. Шарков, А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951) / А.В. Шарков. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1997. – 159 с.

Репозиторий ВГУ